

Е. А. Яровая (*Государственный Эрмитаж*)

ГЕРАЛЬДИКА СЕРБИИ ПО РУКОПИСИ СТОЯНА НОВАКОВИЧА.
К ВОПРОСУ О РУССКО-СЕРБСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЯХ
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Любопытный манускрипт, хранящийся в фондах научной библиотеки Эрмитажа, о котором пойдет речь в данной статье, ранее не являлся предметом исследования. Потрепанная тетрадь в линейку¹ в разошедшемся переплете оказалась рукописным автографом перевода на русский язык труда Стояна Новаковича «Геральдические обычаи у сербов» (ил. 1). Сравнительная графологическая экспертиза доказала, что перед нами – почерк самого Новаковича. Рукопись не датирована, 189 тетрадных листов заполнены только с правой стороны, пагинация проставлена от руки. На титуле указано авторство (ил. 2). Как и когда рукопись попала в библиотеку Эрмитажа, по книге поступлений установить не удалось.

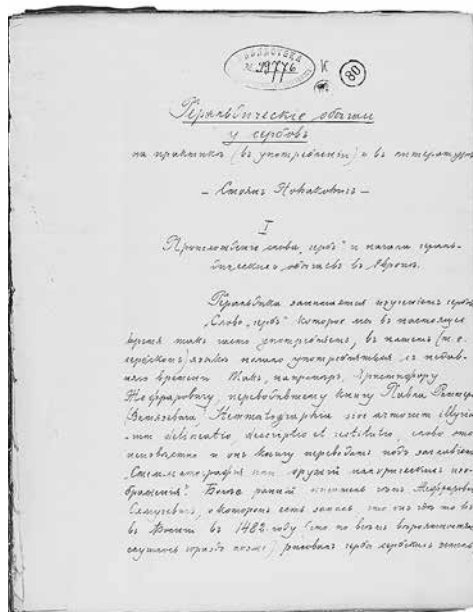
Имя Стояна Новаковича (ил. 3, 4) знакомо только славистам, занимающимся историей сербской литературы и языка. Единственная работа ученого, увидевшая свет на русском языке, – это изданная в 1890 году в Санкт-Петербурге «Грамматика сербского языка» в переводе А. Григорьева. О его трудах по геральдике не было известно широкому кругу гербоведов.

Стоян Новакович (Стојан Новаковић) – сербский филолог, историк, политик и дипломат – родился 1 ноября 1842 года, скончался 18 февраля 1915 года. При крещении получил имя Коста (от лат. *constans* – постоянный), которое впоследствии заменил сербским аналогом Стоян. Признанный балканский интеллектуал, Стоян Новакович был членом Сербской академии наук со дня ее основания, с 1906 и до года смерти – ее президентом, возглавлял Национальную библиотеку, стоял во главе крупнейшего в Сербии издательского дома, был профессором Белградского университета, членом Югославской и Российской академий наук. Единственный в XIX веке снискавший международную известность балканский ученый, получивший образование исключительно на родине – в Сербии, никогда не учился за границей. Знал три европейских языка, занимался переводами, в частности, переводил поэмы А. Мицкевича и А. С. Пушкина («Кавказский пленник»). Основал и стал первым президентом «Сербского литературного общества» – крупного издательства, специализировавшегося на национальной филологической и исторической литературе. Был автором «Истории сербской литературы» (1867, переиздана в 1871), учебника сербской грамматики.

Его перу принадлежит большое количество трудов по истории средневековой Сербии, в частности, посвященных периоду правления династии Неманичей и ее противостоянию османским завоевателям в XIII–XV веках. Интерес к Неманичам не был случайным:

Ил. 1. Новакович С. Геральдические обычаи у сербов. Рукописный автограф. Инв. № НБГЭ 99776. Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые

Ил. 2. Новакович С. Геральдические обычаи у сербов. Титульный лист

Ил. 3. Стоян Новакович. Фотография. Местонахождение неизвестно

как известно, с короля Стефана Немани (1159–1195), родоначальника династии, вступившего на престол при содействии византийцев, началась двухвековая эпоха полной политической самостоятельности и процветания Сербии и оформился более достоверный период в сербской истории. Самым знаменитым и могущественным сербским королем признан Стефан Урош IV, прозванный Душан (1331–1345), который расширил границы королевства от Дуная до Олимпа, от Адриатики до Марицы. Венчаный патриархом всех сербских земель «царем и самодержцем Сербии, Албании, Греции, Болгарии, Поморья и западных стран», он в 1355 году готовился к захвату Константинополя, однако смерть нарушила его планы. Последовали долгие века несамостоятельности королевства и борьбы с турецким завоеванием.

Но вернемся к реалиям последней четверти XIX века. Одним из результатов

Русско-турецкой войны (1877–1878) стало утверждение независимости Сербии от Турции и признание Милана Обреновича королем Сербии Миланом I (1882–1889). Однако новоявленный король сменил пророссийский политический курс на проавстрийский. При нем Стоян Новакович вошел в состав Державного совета в 1883 году, тогда же начал свою дипломатическую карьеру, отбыв в Константинополь в 1885 году на долгие семь лет. В дальнейшем как политик Новакович достиг серьезных успехов, был послом в Париже, возглавляя в 1900–1904 годах сербскую миссию в Санкт-Петербурге. Будучи сторонником династии Обреновичей, мог серьезно пострадать во время кровавого свержения режима короля Александра (1889–1903) и королевы Драги в 1903 году, завершившегося зверским убийством не только самих глав государства, но и их приближенных.

Такова была политическая ситуация в Сербии, на фоне которой вышел 140-страничный очерк Новаковича, изданный в 1884 году в Белграде «Королевским государственным издательством» в количестве ста экземпляров, авторский перевод которого обнаружен в Эрмитажной библиотеке². Как следует из финальных строк очерка, он был приурочен к созданию нового герба возобновленного сербского королевства: «Когда 22 февраля 1882 г. Сербия провозгласила [себя] Королевством, появилась потребность пересмотреть герб и возобновленному королевству дать новый герб. Это и сделано законом от 20 июня 1882 г.»³ В создании герба принял деятельное участие и Стоян Новакович вместе с Чадомиром Миятовичем и герольдмейстером бароном фон Штрелем.

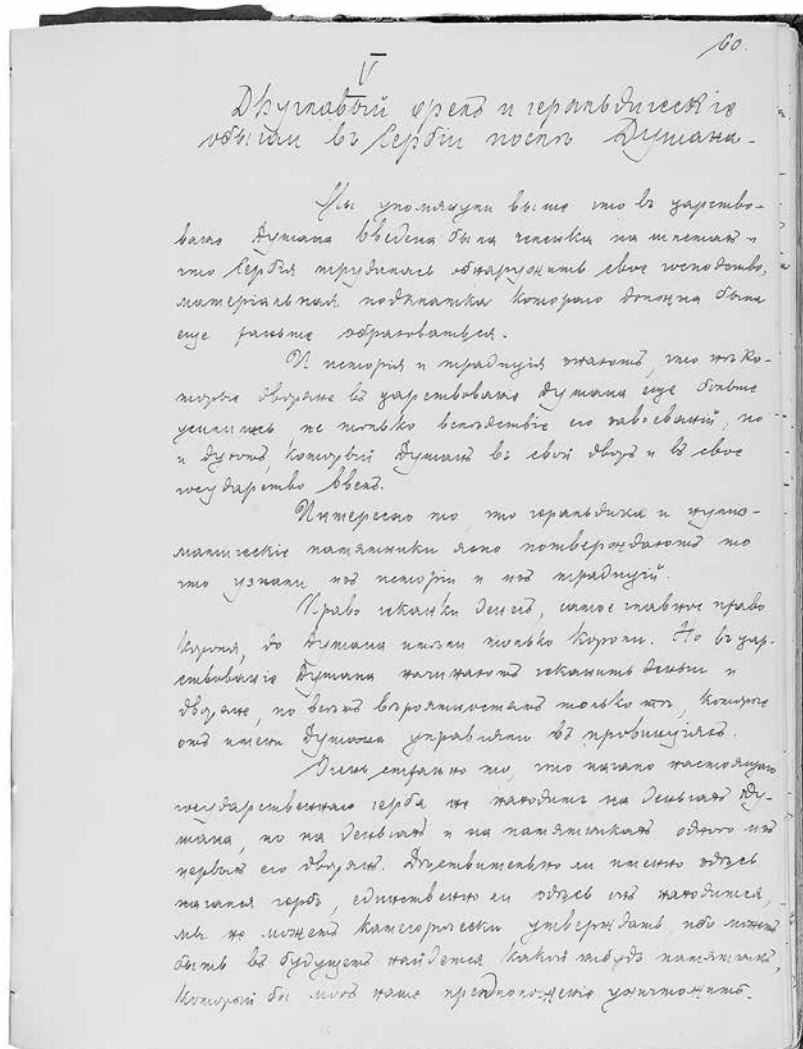
Новоявленный герб состоял из двуглавого белого орла под королевской короной и двумя лилиями под когтями (ил. 5).

Ил. 4. Урош Предич.
Портрет Стояна Новаковича. 1920.
Местонахождение неизвестно

Ил. 5. Герб королевства Сербии

Ил. 6. Новакович С. Геральдические обычаи у сербов. Глава V. Двуглавый орел и геральдические обычаи в Сербии после Душана

На груди орла – герб Сербского княжества: белый крест на красном щите с четырьмя буквами «С» или огнива (по-сербски четыре «оцила»), означающие первые буквы имен величайших национальных святителей: святого Саввы, в миру Растко Неманича, первого сербского архиепископа, и святого Симеона, отца святого Саввы, в миру Стефана Немани, основателя династии Неманичей). На кресте слева размещена дата битвы при Косово «1389», когда князь Лазарь и вся Сербия потерпели поражение от турецкого султана Мурата. На кресте справа дата Второго сербского антитурецкого восстания, которое возглавил основатель династии Обреновичей князь Милош. Даты разделяет вертикально поставленный меч. Герб подложен пурпурной горностаевой мантией и увенчан королевской короной. По нижней кромке мантии вьется лента с девизом короля Милана Обреновича «Время и мое право».

Ил. 7 а-г. Изображение двуглавого орла на прорисовке, вложенной в рукопись

По-существу, очерк «Геральдические обычаи у сербов» является развернутой экспликацией к проекту нового государственного герба, который по сложившейся традиции является и гербом правящей династии Обреновичей.

Полное название произведения – «Геральдические обычаи у сербов на практике (в употреблении) и в литературе». Очерк состоит из девяти глав. В первой рассматриваются этапы зарождения европейской геральдики, объясняется происхождение термина «герб», вторая глава посвящена появлению дворянства в Сербии, в третьей и четвертой главах идет речь о становлении геральдических обычаев в период с XII по XIV век, пятая глава рассматривает изображение двуглавого орла на фресках и монетах королевства (ил. 6; 7: а-г), затем автор анализирует обращение к теме геральдики в сербской литературе с начала XVII века и в заключительных главах приводит примеры геральдических

фальсификаций в труде Мауро Орбини, а также дает описания гербов возобновленных балканских государств, обретших самостоятельность после длительного турецкого ига.

Самой интересной и часто цитируемой является, безусловно, пятая глава под названием «Двуглавый орел и геральдические обычаи в Сербии после Душана».

Впервые в Сербии двуглавый орел встречается на фресках XIII века как орнамент одеяния государя, белый на пурпурном фоне. Так, фреска из монастыря в Милешево представляет коллективный портрет трех королей: Стефана Первовенчанного (1198–1227) и его сыновей Радослава и Владислава. На пурпурных одеждах Стефана и Радослава видны изображения двуглавых орлов, вписанные в круг. Подобный орнамент должен объясняться родством Неманичей с Комнинами⁴. В середине XIV века геральдический двуглавый орел с опущенными крыльями появляется на монетах, чеканенных в Сербии от имени деспота Йована Оливера (около 1310 – около 1356), дворянина на службе у Стефана Душана. Считается, что род Оливеров был греческого происхождения, однако очевидно наличие общих корней с генуэзскими Оливерни, известными в Генуе с начала XII века. На одной из закладных плит генуэзской Каффы высечен герб консула Амброджо Оливерни в виде коронованного льва. Известен и другой «говорящий» вариант герба этого рода – в серебряном поле три оливковых дерева на трех холмах⁵.

Великий воевода, деспот и севастократор Йован Оливер женился в 1336 году на Марии Палеолог, мачехе своего господина, Стефана Душана, присвоив таким образом эмблему Палеологов в виде двуглавого орла и разместив ее на монетах со своим именем. Благодаря хранителю балканских средневековых монет Т. И. Слеповой удалось обнаружить один экземпляр редкого серебряного гроша деспота Йована Оливера в собрании Отдела нумизматики Эрмитажа (ил. 8)⁶. Этот же символ присутствует и на фреске с его изображением из церкви в Лесново, датированной ранее 1347 годом, пурпурное одеяние Оливера также декорировано двуглавыми орлами. Вывод Новаковича: «Оливер пользовался царскими почестями и употреблял этот геральдический знак еще до того, как Сербия провозгласила себя королевством»⁷. «Очень странно, – резюмирует Новакович, – что начало настоящего государственно герба не находят на деньгах Душана, но на деньгах и на памятниках одного из его дворян»⁸. По приведенной цитате можно судить о качестве перевода: очевидно, что автор не владел литературным русским языком, перевод грешит грамматическими и лексическими ошибками, неверным словоупотреблением, не говоря уже о плохом знакомстве с геральдической терминологией. Последнее, впрочем, нельзя вменить автору в вину, поскольку словарь геральдических терминов не устоялся ни к концу XIX века, когда создавался перевод, ни спустя столетие.

Широко пользуется примерами из очерка Новаковича его младший коллега российский историк и филолог Александр Васильевич Соловьев в своем труде «Геральдические эмблемы Византии и славяне» (Прага, 1935). Индекс цитирования очень высокий: в третьей главе «Двуглавый орел в Сербии и Болгарии» дается более 15 ссылок на работу Новаковича. Как отмечает А. П. Черных во вступительной статье к собственному переводу с французского языка труда А. В. Соловьева, «геральдика – не магистральный путь научных интересов А. Соловьева»⁹, то же можно адресовать и Стояну Новаковичу. Характерно, что спустя полвека Соловьев не подвергает анализу и не критикует своего предшественника, а использует его наработки для иллюстрации своей концепции происхождения византийского герба, дополняя их лишь в деталях.

Ил. 8. Грош (?) без обозначения года. Сербия, королевство. Йован Оливер. Серебро; чеканка. Инв. № ОН-3-Болг-1254. Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые. Увеличено в 2,5 раза

Возникает вопрос о цели и датировке перевода Новаковичем на русский язык своего труда. Было ли это связано с его пребыванием в столице России в составе сербской дипломатической миссии с 1900 по 1905 год или поводом для создания перевода явились какие-то иные факторы?

Первый достоверно известный личный контакт С. Новаковича с русской научной средой относится к 1874 году, когда тот стал одним из иностранных гостей III Археологического съезда в Киеве¹⁰. «Белградское ученое дружество» направило туда Новаковича своим представителем. В это время он не владел русским языком в достаточной степени, и свое сообщение сделал по-сербски. Примечательно содержание его выступления, которое демонстрирует, что научные взгляды Новаковича находились под влиянием задач по строительству сербской национальной идеологии.

В материалах съезда сообщалось: «Белградское ученое дружество прислало к нам депутатом г. Стояна Новаковича. Г. Новакович, известный своими библиографическими трудами, своими исследованиями по славянскому языкознанию, представляет нам пример истинного ученого, который, несмотря на высшую государственную должность, которую занимал, никогда не отрывался от своих ученых работ и никогда не покидал свои занятия по званию библиотекаря ученого Дружества [с. XVII]. <...> [Новакович] прочел на сербском языке реферат под названием „Взгляд на развитие восточнославянской культуры преимущественно до нападения турок“¹¹. Спрашивал, возвышалась ли югославянская культура до той ступени, на которой стояла культура византийская? ... [и доказывал], что югославянские племена в XV в. начали приближаться к той высоте культуры, на которой стояла Византия»¹¹.

В ближайшие годы Новакович не вошел в круг зарубежных авторов, труды которых были хорошо известны в России. Хотя статья «Сербская литература» в «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона» упоминает о существовании русского перевода его книги «История србске книжевности» (1877), нет сведений о том, что данная работа была издана, а не использовалась в рукописи узким кругом профессиональных славистов¹². Та же статья энциклопедии относит Новаковича к появившимся в Сербии «перворазрядным ученым» и называет «автором многочисленных и ценных историко-литературных и грамматических исследований и издателем памятников»¹³. Однако научная деятельность Новаковича

развивалась по большей части параллельно с трудами его российских коллег, почти не пересекаясь. Он никак не замечен и в сотрудничестве с Петербургским славянским благотворительным обществом – главной организацией российских славянофилов, занимавшейся, в частности, популяризацией славянских культур и просветительской деятельностью. Это была самая крупная в России структура, которой могли быть интересны работы Новаковича. При Обществе действовала издательская комиссия, цель которой «заключалась как в ознакомлении России с заграничным славянским миром, так и в ознакомлении последнего с Россией», для чего издавались «книжки для народного чтения по славянской истории, географии и биографии... книжки и брошюры общедоступного содержания по вопросам славянской жизни и науки»¹⁴. Однако к единственному изданию своей работы силами Общества Новакович не имел никакого отношения. В 1890 году его «Грамматика сербского языка» с некоторыми сокращениями была выпущена под маркой Общества в переводе А. Григорьева. Инициатива издания принадлежала переводчику. В предисловии он говорил «о пробуждении в России интереса к братскому языку, побудившем его содействовать, со своей стороны, хоть сколько-нибудь развитию этого интереса не в кругу специалистов, а простой публики»¹⁵. Грамматику Новаковича он выбрал «потому, что она, во-первых, наиболее доступна для обыкновенного читателя и, во-вторых, полнее других»; Славянское благотворительное общество, сообщил Григорьев, «охотно пошло навстречу моему предприятию и взяло на себя все расходы по изданию»¹⁶. Издание не пользовалось спросом, его тираж не разошелся даже за четверть века. В 1916 году книга еще имелась на складах и была уценена с 1 р. 50 к. до 50 к.¹⁷

Новакович дистанцировался от Общества даже в годы жизни в Петербурге в качестве посла Сербии. Возможно, это было связано с различием в политических взглядах, поскольку Общество было инструментом русской пропаганды на Балканах, а Новакович придерживался в целом прозападной позиции и представлял в России недружественный ей режим династии Обреновичей. Дистанция проявлялась даже при участии в официальных мероприятиях. Например, 20 июня 1901 года, в ходе организованных Обществом торжеств в честь 25-летия объявления войны на освобождение Сербии, на молебен в Казанском соборе «собрались члены Славянского общества, военный сербский агент полковник Райкович, слушающие курс в наших академиях сербские офицеры», на вечернем праздновании присутствовали также «учащиеся славянские студенты».¹⁸ Новакович проигнорировал данное мероприятие. Члены общества констатировали, что «сербское правительство не празднует сегодняшнего дня»¹⁹.

В русской научной среде Новакович воспринимался как фигура локального значения. Его бесспорной заслугой признавалась публикация многих ценных источников по истории южного славянства. В то же время в отношении к его концепциям прослеживался сдержанный скепсис. Ценилось обилие интересного фактического материала, но отмечались чрезмерно широкий дисциплинарный фронт исследований, методологические вольности, зависимость взглядов автора от современных политических задач. В критико-библиографическом обзоре работ Новаковича (1894) киевского слависта Т. Д. Флоринского, помимо этикетных похвал коллеге из слабо развитой страны, содержатся оценки, в которых можно усмотреть завуалированное уничижительное отношение. Приведем обширную цитату: «Труды его весьма многочисленны, разнообразны по содержанию и отличаются выдающимися достоинствами, чем обуславливается важное их значение не только в местной сербо-хорватской литературе, но вообще в славянской

науке. Они относятся к языку и старинной литературе, этнографии и народной поэзии, исторической географии и культурной истории. По всем этим областям почтенным ученым издана масса ценных материалов, поставлено и решено немало частных вопросов и написан ряд прекрасных работ общего характера. Замечательная литературная деятельность г. Новаковича, более 30 лет работающего над изучением прошлого своего народа, особенно оживилась в последние годы, со времени оставления им занимаемых доколе высоких и ответственных государственных должностей. В течение 1890–1893 гг. славянская наука обогатилась значительным количеством его любопытных исследований и монографий, большей частью представляющих собой итоги его давних занятий или большие отрывки из задуманных им обширных сочинений»²⁰. В той же работе Флоринского перечисляются методологические провалы сербского ученого: «Проверка скудных, иногда неясных свидетельств памятников данными новейшей традиции нередко дает прекрасные результаты, но отсюда еще не следует, чтобы историк имел право приурочивать глубокой старине те явления и стороны народной жизни нового времени, о которых совсем молчат древние памятники»²¹, неполное цитирование и произвольное толкование источников, тенденциозность, проявленная, например, в том, что взаимоотношения славян с турками «представляются в виде соперничества двух народов на Балканском полуострове»²² – сербов и турок, при полном игнорировании конкурирующих с сербами болгар. Рецензент допускает довольно откровенную оценку Новаковича: «Своеобразные мнения автора несомненно свидетельствуют об его значительном остроумии и горячем желании разъяснить темные и запутанные вопросы южно-славянской старины, но, кажется, они скорее возбуждают и оживляют внимание к этим вопросам, чем облегчают путь к их решению. По нашему мнению, указанные обобщения г. Новаковича не опираются на строго научные данные и слишком гипотетичны»²³.

Был, однако, момент, когда у Новаковича, в то время еще сравнительно молодого человека, открылась перспектива установления более тесных профессиональных связей с русскими коллегами (ил. 9). Императорская Академия наук 29 декабря 1876 года признала Новаковича своим членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС)²⁴. Присвоение ему данного статуса не следует переоценивать. Устав 1836 года, по которому работала Академия, определял, что член-корреспондент «не столько еще известен, чтобы мог требовать чести быть Почетным членом, но своими полезными сочинениями, или познаниями, или же ревностно и старанием, оказав полезные Академии услуги, обратил на себя отличное внимание»²⁵. Звание не связывалось ни с какими определенными обязанностями и предполагало широкие, не только научные, основания для его присуждения. Во второй половине XIX века ОРЯС располагало 40 вакансиями членов-корреспондентов, где наряду с Новаковичем места занимали, в частности, А. Н. Толстой, поэты Я. П. Полонский, А. А. Голенищев-Кутузов, А. Н. Майков, педагог С. А. Рачинский. Введение Новаковича в данный круг состоялось на фоне всплеска славянофильских настроений, в явной хронологической связи с только что завершившейся Сербско-турецкой войной 1876 года, и, несомненно, явилось актом солидарности с сербами. Тем самым у Новаковича номинально появлялась более тесная связь с русской научной средой, возможность активнее участвовать в проектах Академии. Согласно Уставу, «если кто из них представит диссертацию, то таковая может быть читана в собрании и помещена в записках Академии, буде Академия признает сие полезным... Почетный член или Корреспондент, имея сообщить Академии какой-либо

Ил. 9. С. Новакович с А. М. Горьким и В. В. Стасовым
в усадьбе И. Е. Репина «Пенаты». 1904.

Фотография из журнала: Огонек. 1909. № 8, 21 февраля (6 марта)

новый опыт, или повторить его, или читать ей какое-либо рассуждение, испрашивает позволения у президента, который назначает для сего день академического собрания»²⁶. Данная возможность теоретически облегчала путь к соисканию академических премий. Возможно, именно эти обстоятельства и вызвали появление русского перевода сочинения Новаковича о геральдике.

В 1883 году Академией наук была учреждена премия имени видного слависта профессора А. А. Котляревского, на капитал, предоставленный вдовой ученого. Котляревский, умерший в 1881 году, был председателем Киевского славянского благотворительного общества, принимал участие в оказании общественной помощи Сербии во время войны с турками и, в частности, много потрудился для отправки на войну русских добровольцев. Его связь с Сербией позволяет допустить и личное знакомство с Новаковичем. Высочайшее согласие на учреждение премии последовало 17 марта 1883 года, правила о премии получили окончательное утверждение у министра народного просвещения 15 ноября 1883 года. Полная премия составляла 1000 р., за частичное соответствие условиям конкурса – 500 р., и должна была присуждаться каждые три года, начиная с 1886 года. Она выдавалась «за напечатанные ученые исследования по славянской филологии и археологии», причем наиболее предпочтительными признавались «исследования по славянским древностям, рассматривающие быт славян в географическом или культурном отношении в самую раннюю эпоху их исторической жизни»²⁷. Соискателями могли быть «как русские, так и иностранные подданные, но за сочинение, напечатанное на одном из славянских наречий, вне России употребительных, премия выдается только по напечатании оногo в русском переводе»²⁸. К соисканию допускались только сочинения, появившиеся в предшествующее конкурсу трехлетие, и лишь на первый конкурс можно было подать труды, напечатанные за последние шесть лет²⁹.

Уникальность премии Котляревского заключалась в том, что в отличие от других премий Академии по гуманитарной проблематике она допускала участие иностранных авторов, а в отличие от премий Славянского благотворительного общества, где конкурсные темы формулировались очень жестко, была предельно гибкой в выборе научного ракурса. Сама тематика премии была крайне близка Новаковичу. Кроме того, распорядительные функции по премии и присуждение победы поручалось ОРЯС, с которым он имел формальный контакт, а статус члена-корреспондента позволял ему претендовать на участие в конкурсе, в то время как действительным членам Академии это было запрещено. Возможно, он не устоял перед искушением покорить главный культурный центр славянского мира.

Самым свежим произведением Новаковича оказалась работа 1884 года по истории сербской геральдики. К несчастью для автора, дополнение к правилам премии, позволявшее принимать на конкурс издания на иностранных славянских языках, было введено позже – только в октябре 1888 года. Таким образом, для участия в конкурсе 1886 года следовало организовать перевод и публикацию своей работы в России. С переводом Новакович справился, но не вполне удовлетворительно. Возможно, он надеялся на издание своего труда как член-корреспондент Академии наук, в порядке права «помещать в записках Академии» свои сочинения. Впоследствии единственная работа Новаковича, вышедшая на русском, была издана именно таким способом – в записках ОРЯС, того самого отделения Академии, при котором он состоял³⁰. Качество перевода текста 1903 года демонстрировало или существенно возросший у автора уровень владения русским, или привлечение квалифицированной редакции. Видимо, в первой половине 1880-х годов таких возможностей у него не было. В то же время и ОРЯС тогда не располагало собственным печатным органом, поскольку в его издании имела место многолетняя пауза, а формат общих для всех отделений Академии наук «Записок ИАН» не подходил для предлагаемого текста. Инициатива Новаковича замерла на полпути между переводом и печатью. Возможно, факторами, не позволившими осуществить замысел, стала неоднозначность научной репутации Новаковича в сочетании с деликатностью темы, имевшей отношение к русской государственной символике.

В дальнейшем рукопись Новаковича на русском языке вполне могла ходить по рукам исследователей подобно гипотетически существующему переводу его «Истории сербской книжности». Однако никакой известности в России она не получила. Даже упоминаний данной работы нет ни в обзоре Флоринского 1894 года, ни в некрологе П. Яковенко, которым Академия наук откликнулась на смерть Новаковича³¹. В последнем тексте трудам Новаковича давалась сугубо позитивная оценка. Известие о смерти сербского коллеги, в это время уже президента Белградской королевской академии, было оглашено на заседании Императорской Академии наук 7 февраля 1915 года, и память его по предложению вице-президента Академии П. В. Никитина была почтена вставанием³².

Несмотря на явную политическую ангажированность текста, ставящего под сомнение научную ценность данного произведения как геральдического источника и заслуживающего полного доверия, обнаружение авторского перевода на русский язык симптоматично и кажется небезынтересным для истории русско-сербских культурных связей.

- ¹ *Новакович С.* Геральдические обычаи у сербов на практике (в употреблении) и в литературе [Рукопись]. Размер 36,0 × 27,0 см. Инв. № НБГЭ 99776. Государственный Эрмитаж.
- ² *Heraldički običaji u Srba: u primeni i književnosti.* Beograd, 1884.
- ³ *Ibid.* S. 187.
- ⁴ *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне / пер. А. П. Черных // *Signum.* 2009. Вып. 4. С. 139.
- ⁵ См.: *Яровая Е. А.* Геральдика генуэзского Крыма. СПб., 2010. С. 104, 105.
- ⁶ Серебро; чеканка. Вес 1,12 г, диаметр 21,5 мм. Инв. № ОН-3-Болг-1254. Государственный Эрмитаж. Благодарю коллегу Т. И. Слепову, хранителя монет южнославянских стран Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, за предоставленную возможность ознакомиться с монетами деспота Оливера.
- ⁷ *Новакович С.* Геральдические обычаи у сербов на практике (в употреблении) и в литературе. С. 69.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Черных А. П.* Геральдика в научном наследии А. В. Соловьева // *Signum.* 2009. Вып. 4. С. 98.
- ¹⁰ Ранее, в 1872 году, завязалась переписка с этнографом и литературоведом А. Н. Пыпиным (1833–1904), хранящаяся в личном фонде в Рукописном отделе РНБ. Благодарю Е. С. Левшину, сотрудника Рукописного отдела РНБ, за указание на этот факт.
- ¹¹ Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. Т. 1. С. XVII, LXXXVI.
- ¹² *Сербская литература // Магия слов : Словари : Энциклопедия Брокгауза и Ефрона.* 2015. URL: <http://my-dict.ru/dic/enciklopediya-brokgauza-i-efrona/320353-serbskaya-literatura> (дата обращения: 13.05.2016).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Первый год деятельности издательской комиссии, образованной по уставу 16 апреля 1900 г. при совете Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. СПб., 1901. С. 1.
- ¹⁵ *Новакович С.* Грамматика сербского языка. СПб., 1900. С. I.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Каталог книжного склада Петроградского Славянского Благотворительного Общества. Пг., 1916. С. 5.
- ¹⁸ *Славянские известия.* 1905. № 5, 6. С. 497.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Флоринский Т. Д.* Новейшие труды по изучению южно-славянской старины и народности : Исследования академика С. Новаковича // *Университетские известия.* 1894. № 12, декабрь. С. 393, 394.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ *Флоринский Т. Д.* Новейшие труды по изучению южно-славянской старины и народности : Исследования академика С. Новаковича. С. 416.
- ²⁴ *Модзалевский Б. А.* Список членов Императорской Академии наук 1725–1908. СПб., 1908.
- ²⁵ Устав и штат Императорской С. Петербургской Академии наук. СПб., 1836. С. 44.
- ²⁶ Там же. С. 45.
- ²⁷ Сборник сведений о премиях и наградах, раздаваемых Императорскою Академиею Наук. СПб., 1888. С. 38–41.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Из дипломатической истории Сербии : Мир Петра Ичко : Попытка непосредственного соглашения Сербии с Турцией 1806–1807 гг. : Этнод Члена-Корреспондента Ст. И. Новаковича // *Сборник ОРЯС ИАН.* СПб., 1903.
- ³¹ *Византийский Временник.* 1894. Т. 21, вып. 3, 4.
- ³² *Известия ИАН.* Пг., 1915. Серия 6, 15 апреля. Общее собрание. Заседание 7 февраля 1915 года. С. 549.